

Особенно два иероглифа «Цзинь Жуй» на груди, как и следы от пуль, если не сделать операцию, останутся на всю жизнь.

Кто захочет вырезать на своём теле столько иероглифов, да ещё и все — имя одного человека?

Причём некоторые места он сам просто не мог достать. Поэтому ответ только один: эти иероглифы на его теле вырезал не он сам.

Более того, Старейшина Юань обнаружил, что на теле Хэ Дачжуана множество старых травм. Все эти признаки указывали на то, что его подвергали жестокому обращению.

А тот, кто это делал, был человеком, которого ненавидели мама Хэ и остальные, — Цзинь Жуй.

И этот человек сейчас стоял перед ним, держа Хэ Дачжуана на руках, как будто это был последний спасательный круг для утопающего.

И если Цзинь Жуй так заботится о Хэ Дачжуане, то почему же он допустил, чтобы тот пережил столько страданий?

Любовь — это не обладание и не причинение боли.

Цзинь Жуй услышал слова Старейшины Юаня, опустил глаза на человека в своих объятиях, затем наклонился и прижал губы к его лбу, произнеся с искренностью и серьёзностью:

— Я больше так не буду. Никогда.

Его тихие слова звучали как обещание, обращённое к самому себе, или как клятва, данная кому-то другому.

Старейшина Юань посмотрел на них, покачал головой и, взяв свои вещи, вышел.

Папа Хэ тут же подошёл к нему, беспокойно спросив:

— Старейшина Юань, как дела?

Старейшина Юань махнул рукой и, глядя на папу Хэ, сказал:

— Уже всё в порядке. Тебе тоже нужно отдохнуть, ты всю ночь не спал. Он сейчас очень слаб, лучше не беспокоить его.

Папа Хэ нахмурился:

— Тогда я заставлю Цзинь Жуя выйти.

Старейшина Юань остановил его:

— Я поручил ему кое-что, пусть присмотрит за ним. Тебе не о чем беспокоиться.

Папа Хэ с удивлением посмотрел на Старейшину Юаня, в его голосе прозвучало раздражение:

— Старейшина Юань, вы же знаете...

Старейшина Юань прервал его:

— Ладно, ладно, всё обсудим завтра. Чжуанчжуан уже спит, дайте ему отдохнуть.

Затем он повернулся к дворецкому Цзиню и остальным:

— В доме больше нет мест для отдыха, так что устраивайтесь как сможете.

Сказав это, он ушёл, не обращая внимания на их реакцию.

Папа Хэ уставился на закрытую дверь, стиснул зубы и, наконец, развернулся и ушёл.

Дворецкий Цзинь дождался, пока папа Хэ исчезнет из виду, и обратился к доктору Гоу:

— Иди отдохни в машине, я здесь постою.

Доктор Гоу кивнул, глядя на закрытую дверь, и ушёл.

Дворецкий Цзинь наблюдал за его уходящей спиной, в его глазах мелькнул свет. Раз уж Хэ Дачжуан не умер, значит, и его отношения с доктором Гоу тоже не «умерли».

При этой мысли уголки губ дворецкого Цзиня непроизвольно приподнялись в улыбке, и он посмотрел на звёздное небо.

Сегодня определённо был хороший день.

Цзинь Жуй просидел всю ночь, держа Хэ Дачжуана на руках.

Когда Хэ Дачжуан проснулся на следующий день, первое, что он увидел, было измождённое лицо Цзинь Жуя.

Хэ Дачжуан замер на мгновение, подумав, что это сон, и закрыл глаза, удивляясь, почему этот сон так отличается от обычных.

Мягкое прикосновение к его векам заставило его вздрогнуть — это не был сон.

В одно мгновение все его чувства вернулись на свои места, и он ясно осознал, что находится в объятиях Цзинь Жуя.

Так как долго Цзинь Жуй уже здесь?

Он помнил, что перед тем как потерять сознание, видел только дворецкого Цзиня и Малыша Но-Но.

Правильно, Малыш Но-Но!

Хэ Дачжуан резко открыл глаза, попытался оттолкнуть Цзинь Жуя и встать.

Цзинь Жуй крепко держал его, его глаза покраснели, и он хрипло спросил:

— Куда ты идёшь?

Хэ Дачжуан испугался вида Цзинь Жуя. Раньше он тоже видел, как тот краснел и спрашивал, куда он идёт. Но тогда Цзинь Жуй был в ярости, как разъярённый зверь, готовый в любой момент броситься и перегрызть горло, вызывая непреодолимый страх.

Но сейчас он тоже красными глазами спрашивал, куда он идёт, но в его взгляде читалась лишь обида. Как будто он боялся, что его бросят, и смотрел с мольбой, словно умоляя не оставлять

его.

Хэ Дачжуан смотрел на Цзинь Жуя, и в его сердце внезапно стало щемить.

Вчерашний Цзинь Жуй был намного лучше, хотя выглядел уставшим и похудевшим. Но это не повлияло на его аристократическую внешность, он по-прежнему был тем самым высокомерным молодым господином.

Но сейчас, с покрасневшими глазами и измождённым лицом, он излучал апатию и печаль, создавая впечатление человека, потерявшего интерес к жизни. Его руки, державшие Хэ Дачжуана, словно цеплялись за последнюю соломинку, в его глазах читались и отчаяние, и надежда.

Хэ Дачжуан вдруг задумался, что же превратило того высокомерного молодого господина в такого человека?

Он сам?

В глубине души он знал ответ, но не хотел его признавать.

Он всегда избегал чувств Цзинь Жуя. Потому что в глубине души он считал, что они никогда не смогут быть вместе, поэтому он убегал от его чувств, отвергал его заботу и игнорировал свои собственные эмоции. Всё ради того, чтобы у них не было будущего.

Он думал, что если он умрёт, Цзинь Жуй смирится.

Но когда он услышал, что Цзинь Жуй собирается устроить посмертную свадьбу, он не знал, что почувствовал. Немного радости, немного иронии, но больше всего — боль.

Он не понимал, почему Цзинь Жуй так упорно держится за него. Что в нём такого, что стоит такого?

Вчера, увидев Цзинь Жуя, он снова почувствовал боль.

После всего, что произошло, его сердце сильно изменилось.

Из-за проблем с сердцем он не мог позволить себе слишком много эмоций. Поэтому он привык сдерживать свои чувства, делая их более холодными, чтобы не придавать значения многим вещам.

И, кажется, ему это удалось. За год его эмоции стали намного спокойнее. Сейчас многие вещи уже не могли вызвать у него сильных переживаний, поэтому он иногда вспоминал свои отношения с Цзинь Жуюем. То, о чём он раньше не хотел думать, теперь иногда всплывало в его памяти, когда ему было скучно.

И именно эти воспоминания заставили его вспомнить многое, что Цзинь Жуй делал для него, помимо причинения боли.

Цзинь Жуй не был плохим к нему, просто все его добрые поступки были перечёркнуты тем, что он сделал.

Как если бы кто-то каждый день проявлял заботу, ты бы считал это чем-то само собой разумеющимся. Но если однажды этот человек ударит тебя, ты запомнишь этот удар на всю жизнь, не задумываясь о причинах, и моментально забудешь все его предыдущие добрые

поступки.

И он тогда точно так же перечёркнул всё хорошее, что сделал Цзинь Жуй.

Поэтому в течение этого года, день за днём, он вспоминал доброту Цзинь Жуя, постепенно признавая его чувства к себе. И по мере того как он это признавал, его собственные скрытые чувства медленно прорастали и росли.

Поэтому сейчас, глядя на Цзинь Жуя в таком состоянии, он не испытывал ни отвращения, ни страха, ни паники, лишь лёгкую боль в сердце.

Глядя на сидящего на кровати человека, который смотрел на него с мольбой, он невольно протянул руку и коснулся худого лица Цзинь Жуя.

Цзинь Жуй тут же схватил его руку и прижал к своей щеке.

Не отрывая от него взгляда, он тихо повторял:

— Малыш Чжуан...

Хэ Дачжуану стало немного не по себе от этих повторений. Он смотрел на лицо Цзинь Жуя и спросил:

— Как ты прожил этот год?

Цзинь Жуй продолжал держать его руку, его глаза покраснели, как у обиженного ребёнка:

— Плохо, очень плохо. Я не мог спать, не держа тебя в объятиях. Я не мог есть, не видя тебя. Я обманывал себя, говоря, что ты жив, просто ушёл из-за злости и скоро вернёшься. Все говорили, что я сошёл с ума, но я знал, что ты вернёшься. Но я несколько раз хотел прийти к тебе, но не мог оставить Но-Но. Каждый день был мучительным, я так по тебе скучал, так скучал.

Услышав дрожь в голосе Цзинь Жуя, Хэ Дачжуан не выдержал и мягко обнял его.

Когда Цзинь Жуй говорил, что хотел прийти к нему, он не знал, что тот жив. Но этот человек... как он мог быть таким глупым?

Цзинь Жуй вдруг уткнулся лицом в живот Хэ Дачжуана, обнял его за талию и зарыдал.

<http://bllate.org/book/16150/1448245>